

Философский анализ прокреации в ценностном измерении

Татьяна А. Сидорова ¹

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, 630090, Россия

Получено 7 September 2020 ♦ Принято в печать 12 November 2020 ♦ Опубликовано 31 December 2020

Цитирование: Sidorova TA (2020) Philosophical analysis of procreation in the value dimension. Population and Economics 4(4): 57–66. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e57249>

Аннотация

В научных дискурсах признается влияние ценностного фактора на воспроизводство человека. Несмотря на это, преобладает объективирующий подход в объяснении демографической детерминации, ценности рассматриваются как предметности, оторванные от человека. В статье предлагается развитие аксиологического подхода в понимании прокреации. В философско-аксиологическом дискурсе прокреацию можно рассматривать как воспроизводство человека в аспекте культурно- и персоногенеза. На основе аксиологической концепции М. Шелера и персоналистской философии В.В. Розанова предложено толкование прокреации как интенционально-ценностной установки, манифестирующей позитивную направленность человека в будущее.

Ключевые слова

прокреация; ценность; интенциональная установка; дискурс; аксиология М. Шелера; персонология В. Розанова

Коды JEL: J13

Введение

Человеческое воспроизводство как воспроизводство народонаселения успешно изучается социальными, медико-биологическими и точными науками с применением соответствующих методов, которые совершенствуются и расширяются за счет междисциплинарного синтеза, ориентированного в основном на методы естественных и точных наук. Гуманитарные акценты в научных дискурсах о прокреации фрагментированы в собственных эпистемологических границах. В XX веке многочисленные культурно-антропологические исследования вопросов, связанных с деторождением, репродуктивным поведением, сексуальностью и репродуктивным здоровьем, получили название «антропология репродукции». Это направление иллюстрируют работы М. Мид, Б. Малиновского,

К. Форда, Э. Монтегю и др. [Литовка, 2012]. Философский дискурс по поводу прокреации в последние десятилетия стал активно развиваться в связи с актуализацией биоэтической проблематики, когда обсуждение этических и правовых вопросов, возникающих в контексте вспомогательной репродукции, использования генетических и других новейших технологий сформировали заметный кластер в современной науке и общественных дискуссиях. При этом биоэтика стала идейным продолжением более широкой этической проблематизации влияния научно-технологического и социального прогресса на различные стороны человеческой жизни. Яркие идеи в критическом осмыслении этого влияния принадлежат А. Швейцеру, Х. Йонасу, Н.А. Бердяеву. Однако еще в XIX веке философский интерес к концепту жизни обусловил создание направления философии жизни, объединившего учения Ф. Ницше, В. Дильтея, Г. Зиммеля, А. Бергсона и других мыслителей. Они понимали жизнь как первичную активную реальность, целостный, органический, иррациональный процесс непрерывного становления и творческой реализации, предшествующий разделению материи и духа, бытия и сознания. Человеческая форма жизни обладает особенностью не столько в силу рациональной способности, сколько основывается на полноте «переживания» жизни, данного в сложной и целостной взаимосвязи духовного и телесного опыта, которую невозможно исчерпывающим образом выразить на языке науки. Эти идеи в дальнейшем будут усвоены и переработаны в философской антропологии и персонологии с акцентуацией на уникальности феномена «бытия человеком» и личностью. Как утверждал ведущий представитель философской антропологии М. Шелер, жизнь — подлинная сущность, а не эмпирическое родовое понятие, объединяющее общие признаки всех земных организмов [Шелер, 1994]. Само восприятие жизни трактует ее не просто как ценность, а как источник ценностного отношения к ее проявлениям, одно из которых — прокреацию — мы будем обсуждать.

Репродукция и прокреация

Следует констатировать, что воспроизводство народонаселения стало объектом познания, оторванным от подлинно человеческих смыслов деторождения — несмотря на то, что в современном «рефлексивном» обществе существует острый запрос на прояснение ценностей и создание смыслов. В научных дискурсах, связанных с демографией, преобладает «объективирующий» подход в понимании прокреации, элиминирующий отношение человека. «Объективная логика» внешних по отношению к человеку природных и культурных детерминаций утрачивает личность как субъект жизнеспособности. Объектное понимание природы человека так или иначе предполагает отстраненность от ценностных составляющих этого понятия [Юдин, 2005]. Данную ситуацию отражает терминологическая редукция воспроизводства к понятию «репродукция» и ее дериватов, как это можно проследить в Демографическом энциклопедическом словаре [1985], Демографическом понятийном словаре [2003]. В научной интерпретации и естественно-биологического, и социально-гуманитарного профиля (социология, демография, в значительной части психология, культурная антропология) прокреация рассматривается либо в качестве синонима репродукции, то есть воспроизводства, либо в более узком значении деторождения как синонима размножения человека. Понятие «репродукция», используемое в демографии и социологии, включает воспроизводство потомства как совокупность нескольких составляющих, в том числе прокреации, генерации и др. Репродукция с этой точки зрения понимается как объектно-материальный процесс в социобиологической системе, элементом которой является человек. Поэтому в философском подходе, рассматривая воспроизводство человека сквозь призму гуманитарных коннотаций, мы придерживаемся понятия «прокреация», поскольку видим в нем более широкое значение и указание на способы понимания (описания, познания, обозначения в языке и дискурсе) воспроизводства

человека в качестве включенных в *креативный*, то есть творческий процесс созидания (а не производства) человека как культурного существа в онтогенезе и как личности на индивидуальной траектории развития. В словаре, издаваемом университетом Кембриджа, прокреация ассоциируется с деторождением, порождением, воспроизводством рода, родословной, продолжением рода, потомством, воспроизводством [Cambridge Dictionary, 2020]. Прокреативный культуро- и персоногенез отражается в ментальных элементах — ценностях, смыслах, нормах, установках, представлениях о деторождении — и находит свое выражение в различных дискурсах, которые, в свою очередь, можно характеризовать как прокреативные дискурсы, то есть буквально порождающие, содержащие в себе настроенность на пронатальность, воспроизводство человеческого рода. Неслучайно в демографической терминологии ментальные предикции репродукции используют «прокреативные» эпитеты: «прокреативный выбор», «прокреативная установка», «прокреативное поведение», «прокреативное образование» [Беляева, 2013] и др. Таким образом, представляя воспроизводство через понятие «прокреация», мы стремимся избежать преобладания объектной (социобиологической, социально-экономической, конструктивно-технологической) интерпретации и сделать акценты на понимании прокреации как процесса воспроизводства человека в культуре в контексте создания ценностей и смыслов деторождения. Культура, в отличие от социальности, является сугубо человеческим феноменом: она создается специфически человеческим способом бытия и воспроизводится через способность человека к трансцендированию и самополаганию, трансформируя биологическое в человеке. Окультуренные биологические потребности фундируются на человеческой способности к целеориентации и смыслопорождению. Соответственно, понятие «прокреативная культура» в каком-то смысле тавтологично. В узком значении оно является воспроизводством человеческих смыслов деторождения. Такие смыслы кристаллизуются в высшие (терминальные или духовные) ценности и реализуются в деятельности посредством вспомогательных (инструментальных) ценностей [Рокич, 1973]. Культура в целом возникает там, где созданные в жизни и ради жизни категории становятся самостоятельными творцами самоценных формаций, объективированных по отношению к жизни [Зиммель, 2017]. Такими категориями по Зиммелю являются идеальные значимости или ценности. Из этого следует, что понятия, которые мы применяем для описания жизненных процессов, говорят о ценностных коннотациях, придаваемых деторождению и воспроизводству человека.

Полагаем, что современный этап взаимного междисциплинарного интереса со стороны демографии и философии возвращает научное сообщество к вопросу о роли ценностей и смыслов в области прокреации и репродукции [Шестаков, 2008]. Ценности находят свое «применение» и в тех теориях, где в изучении демографических процессов во главу угла ставятся социально-экономические детерминанты, и в тех, где ведущее значение придается социально-психологическим факторам, например, как это видит А.Г. Вишневский, утверждая, что «детерминация прокреативного поведения всегда имеет ценностную природу» [2019: 190].

Поскольку для отдельных наук в области демографии интерес к ценностям имеет прикладной характер, ценности конкретизированы до предметности, которую стремятся измерить качественными и количественными методами. Однако культурная регламентация, выражающаяся в ценностной детерминации прокреации, имеет сложный и дифференцированный характер [Вишневский, 2011a]. Можно говорить о прокреативных ценностях, или ценностях прокреации, в инструментальном значении, и такие исследования есть в социологии, демографии, культурной антропологии. С философской точки зрения фокус меняется на более широкий и представляет саму прокреацию как ценностную интенцию, то есть направленность сознания в процессе воспроизводства человеческой жизни в будущее, имеющее значение безусловной положительной ценности. Этот фокус заставляет трактовать инструментальные ценности в парадигме духовных смыслов деторождения. Терминальные (духовные) ценности остаются вне рамок науч-

ных дискурсов и чаще являются предметом более произвольных спекулятивных рассуждений в философии. Полагаем, что философский взгляд поможет расширить аксиологический аппарат, необходимый для осмысления прокреативных процессов и учета того, что движет выбором индивидов в вопросах прокреации, кроме эмпирически регистрируемых факторов. Апелляция к ценностям в конкретных науках зачастую выглядит как обращение к априорному основанию, которое заключено в использовании логически непротиворечивого определения термина «ценность». Таким же образом утверждение о сугубой относительности природы ценностей признается аксиоматикой, которая нуждается в прояснении для понимания современных процессов воспроизводства человека. Подобный взгляд требует более широкого категориального и методологического описания не только самой ценности как понятия, но и системно-динамических, процессуальных аспектов существования ценностей, например, их трансформации, возникновения ценностей, их связи с психологической мотивацией и социальным нормированием.

Прокреация в фокусе персонологии и аксиологии

Специфика философской мысли заключена в том, что она не просто отражает в своих обобщениях значимые аспекты бытия человека и общества, но и пытается найти их противоречивые истоки, понять жизнь человека как единство состоявшегося и находящегося в становлении, присутствующего в модусе «здесь-бытия» и длящегося, до конца не схватываемого мыслью. Обращаясь к задачам объяснения и понимания актуальных процессов прокреации, предметностью для философского взгляда становятся различные феномены человеческого сознания: ценности и представления, нормы, язык и дискурс, смысловое содержание в действиях и событиях, связанных с воспроизводством человеческой жизни. Абстрактное и конкретное смыкаются в философском анализе в разных конфигурациях. Иногда с позиции точных наук эти конфигурации слишком произвольны, не соответствуют строгим правилам научной когеренции, однако результат заключается в умении непротиворечиво оперировать абстрактными сущностями, имея в виду конкретное и, говоря о конкретном, подразумевать в них абстрактное содержание. Кроме терминологической «услуги», связанной с экспликацией и уточнением значения рабочих понятий, философский анализ обладает собственным эвристическим потенциалом в объяснении и видении проблем современного воспроизводства человека, которые отражаются в демографических показателях рождаемости и смертности, социальных эффектах кризисных явлений в области институтов семьи и деторождения, в попытках прогнозировать демографические процессы и решать насущные этические дилеммы, которые следуют за распространением амбивалентных практик репродукции, с одной стороны, медиализированных, с другой — ориентированных на возвращение к традиционным или «естественным» практикам родовспоможения и деторождения в целом. В исследовании ценности прокреации в обобщающем фокусе философии оказываются на первый взгляд несоизмеримые предметности и феномены: индивидуальные и коллективные стремления, родовые и личностные смыслы, дискурсы власти и повседневности, этические и эстетические нормы, научные регламентации, противоречия естественного и технологически протезируемого в прокреации.

В качестве методологических источников в ценностном изучении прокреации мы будем опираться на персоналистскую философию В. Розанова и аксиологию М. Шелера. Прокреативность как умонастроение свойственна русской философии рубежа XIX–XX веков, особенно в вариантах персоналистской онтологии Розанова, Бердяева, Шестова, Булгакова, Флоренского, Франка, Карсавина. Нужно заметить, что социальные науки в области демографии, исследуя ценности, широко оперируют понятиями «индивидуализм», «индивидуалистические ценности» и т.п. Индивидуализм имеет свою философскую опору в утилитаризме, гедонизме, прагматизме

с их довольно узкой и однобокой трактовкой человека. Одновременно предана забвению богатая и разносторонняя персоналистская философия, которая, на наш взгляд, более релевантна для изучения прокреативных процессов. Если индивидуализм замыкает прокреативный выбор на Эго, делает его мотивом изолированного автономного субъекта, то персонализм во главу угла ставит личность, ее самоидентичность, которая опирается на «многоукладность» в организации своего Я, сочетая рациональное и иррациональное, духовное и физическое, волевое и эмоциональное, самость и присутствие Другого во внутреннем мире, индивидуальную мотивацию и социальное долженствование. Персоналистская философия прокладывает путь к онтологизации ответственности в понимании личности и ее взаимодействиях с Другим. Как считал Э. Левинас, личностью становится человек в той мере, как он осознает ответственность перед Другим, живет для Других [Левинас, 2006]. Индивидуалистические дискурсы, будь то дискурсы желания в искусстве или научные подходы, которые принимают индивидуализм в качестве априорного условия в понимании человека и социальных связей, страдают парадигмальной неполнотой.

Зрелая личность преодолевает эгоистическую мотивацию, вырастает до осознания собственной идентичности и необходимости своего продолжения. Поэтому в персонализме тема рождения человека находит отражение не просто в качестве акта самореализации индивида, что характерно для индивидуалистических интерпретаций прокреации, а как творение будущей личности, понимаемой в единстве индивидуального и родового бытия. Например, такая характеристика дана персоналистской философии В. Розанова известным русским философом Г.П. Федотовым: «Важно видеть за чрезвычайным многообразием тем ... преданность самому главному, единому, высшему, тому, что оплодотворяет, наполняет смыслом все розановское творчество. Лишь чадородие, то есть материнство, то есть жалостная, кормящая любовь, его вдохновляет» [Варава, 2009: 70]. Розанов дает яркий и непревзойденный образец подлинной метафизики детства [Розанов, 1990б: 215]. «Чадорождение», по мысли философа, и свято, и спасительно. Зарождение новой жизни он считает самым сокровенным, интимным и потаенным. Очень точно и глубоко как трансцендентное волнение определяется чувство соприкосновения с миром через младенца [Розанов, 1990а: 302]. Наблюдения Розанова раскрывают тщетность технократических претензий науки, являющихся в сущности технократическими утопиями, понять и объяснить весь процесс зарождения, рождения и развития жизни [Варава, 2009: 71].

Раздел философии, посвященный теории ценностей, называется аксиологией. Аксиологическая проблематика имела место в различных философских учениях с древних времен, разработанные в них этические и эстетические концепции заложили основы аксиологии. По большому счету, в качестве самостоятельного направления аксиология оформилась в конце XIX – начале XX веков в рамках философии жизни, философской антропологии, неокантианстве. М. Шелер говорил о ценностном восприятии как о презентации бытия человека в его духовной форме. Понятия духа и души сегодня по большей части элиминированы из научного дискурса в качестве не поддающихся строгому логическому определению. Однако разговор о ценностях не может обойтись без отсылки к области духа. Немецкий философ подошел наиболее близко к тому, чтобы не исключать, а использовать дериваты духа в научной терминологии. Развивая феноменологический подход в философии, Шелер создает «прикладную феноменологию», используя метод для актуализации этической, и, шире, ценностной сферы в объяснении противоречий современной жизни. Феноменология и аксиология в его учении дают ключ к исследованию того, что соединяет прагматику жизни и иррациональное в человеке. Таким образом, философия Шелера вполне «практична», поскольку имеет глубокие прозрения на природу социальных процессов; это теория, в которой можно черпать идеи для объяснения ценностных трансформаций нашего времени, в том числе происходящих в демографии. Одновременно М. Шелер, критикуя догматически принимаемые в Германии того времени идеи из

философии Канта и Гегеля, показывает, как далеко распространяется власть дискурса [Малинкин, 2016]. Отчасти эту параллель можно провести с догматикой в научных подходах и школах, с ее влиянием на умы через образование, общественные медиа и на то, как часто знание на уровне гипотез обретает значение истины на практике не потому, что отражает реальные процессы, а потому, что является следствием власти дискурса. Развивая прокреативную составляющую в дискурсах, изучающих воспроизводство человека и народонаселения, нужно помнить о том, что наше представление о благе (ценности) пронизывает наше восприятие [Йоас, 2013].

Прокреация как ценностная интенция

Жизненные процессы как природное бытие человека, частью которых является прокреация, по Шелеру, обретают значимость только в контексте их духовного проживания, одухотворения. «Лишь в той мере, в какой существуют духовные ценности и духовные акты, в которых они постигаются, жизнь как таковая <...> обладает некоторой ценностью» [Шелер, 1994: 314]. В этом высказывании Шелер поднимает витальные процессы в натуралистическом варианте понимания и восприятия жизни на аксиологический уровень. В фокусе данных идей в воспроизводстве человека, деторождении следует в первую очередь выявить их смысл и назначение.

Ценностное чувствование, в свою очередь, понимается Шелером двойственно: во-первых, как интенция, то есть дорефлексивный интуитивный эмоционально-волевой акт, направленность к чему-либо; во-вторых, как ценностное отношение, акт предпочтения одного другому. Философ решительно отвергает взгляд, будто ценность — это только общее понятие, значение или смысл [Малинкин, 2016]. Ценности не являются формальными фактами, они не существуют где-то отдельно от мира и своих носителей, но одновременно независимы от него [Алхасов, 2015]. Ценность изначально встроена в сознательно-волевою деятельность человека, она ничем не опосредована и потому абсолютна, то есть вне ценностного отношения человек может существовать как животное, находящееся «внутри» объективированных жизненных процессов, и только априорное наличие ценностной направленности сознания и воли человека делает его бытие уникальным в мире природы. Ценности играют роль механизма «высшего ориентирования», балансирования в мире природы и культуры. Человек благодаря развитию оценивающей (пусть и вырастающей из приспособительной реакции) способности приходит к возможности выбрать «энергосберегающую» технологию жизнеподдержания и обеспечения роста или стабильности в численности населения. В демографической науке есть понятие демографического равновесия, которое А.Г. Вишневский [Вишневский, 2011б] характеризует как «более сложный механизм», нежели природно-экологическое равновесие. На наш взгляд, эта сложность кроется в ценностно-интенциональной природе человеческой прокреации, ее манифестацией является позитивное восприятие будущего.

Классификация в иерархии ценностей Шелера соответственно связана с выделением более или менее сильных переживаний. Первый порядок классификации ментальный, в нем выделяются четыре иерархических уровня «ценностных модальностей» (они указаны в порядке возрастания): сенсорные ценности; жизненные ценности; духовные ценности; сакральные ценности [Алхасов, 2015]. Кроме того, выделяются несколько типов и уровней ценностей в зависимости от их опосредованности или абсолютности, долговечности или временности, делимости или цельности. Также философ описывает «материальный» порядок ценностей, подразделяя их на личностные и предметные ценности, собственные и чужие, ценности актов, функций, реакций, убеждений, действий, успеха, интенций, состояний, оснований, форм и отношений, индивидуальные и коллективные ценности, самостоятельные и производные ценности. Наиболее значимое место в иерархии ценностей занимает любовь: как самая силь-

ная, эстетически и морально окрашенная форма ценностного переживания, она оказывается соединительным звеном между человеком и его личностью. Если личность — субъект духовных актов, то человек — субъект любви, создающей саму возможность реализации всех этих актов, претворения их в жизнь. «Человек есть *ens amans*, прежде чем он есть *ens cogitans* или *ens volens*, — пишет Шелер, — Полнота, размеренность, дифференцированность, сила его любви устанавливают пределы полноты, функциональной спецификации, силы его возможного духа и возможного для него диапазона в контакте с универсумом» [Малинкин, 2016: 112].

В контексте этих идей прокреация, понимаемая как воспроизводство человека в качестве существа, создающего культуру и одновременно делающего собственное воспроизводство элементом данного процесса, позволяет рассматривать саму жизнь человека и жизневоспроизводство в виде ценностной интенции человеческого духа, что, на наш взгляд, соответствует современному пониманию специфики живого. «Живое — это совокупность объектов, способных совершать целенаправленные действия, конечная цель которых — самовоспроизведение» [Борзенков, 2009: 694]. В своем содержании ценностная интенция представляет собой направленность человеческого духа на то, что имеет безусловно положительное значение для существования человека. Полагаем, что прокреативная направленность духа связана с позитивным (ценностно окрашенным) восприятием будущего и самой длительности жизни как развертывания и становления личностного потенциала. И.И. Мечников называл эту направленность «чувством жизни», отмечая, что «эволюция чувства жизни в развитии человека составляет настоящую основу философии оптимизма. Оно, это чувство, имеет громадное значение и потому должно быть по возможности изучено» [Мечников, 2017: 199].

В идеях Розанова получает обоснование еще одно, современное, понимание ценности, связывающее ее возникновение с поиском идентичности. Розанов отмечал, что с рождением человека в нем просыпается трансцендентная тяга к «оставленным мирам» — мирам младенчества, детства. Это тяготение к целостности, личностной идентичности становится источником истиной жизненной прокреативной силы, что проявляется в стремлении человека вновь и вновь прикоснуться к миру младенческого восприятия и детского взгляда на жизнь, обладающими неизменно притягательным смыслом, структурирующим жизнь человека. Персоналистская философия Розанова построена на онтологии потенциальности и имеет прямую связь с аксиологическим измерением жизни, поскольку утверждает, что смысл человеческого жизневоспроизводства заключается в развертывании возможностей, того необъятного потенциала, равного существованию как таковому, сокрытого в появляющемся на свет младенце [Кожурин, 2017]. Эти возможности даны как основоположения позитивной направленности будущей жизни, то есть они и представляют собой начала всех ценностей и самой способности человека оценивать, размещать на нравственных и эстетических (как и любых иных) шкалах то, что будет обладать большим или меньшим значением для него. В дальнейшем экзистенциалисты развивали этот подход, утверждая, что человек есть то, что он есть в возможности.

Любовь соединяет в прокреативной направленности человеческого духа высшие нравственные и эстетические оценки. Как эмоционально-волевое стремление, интенция человеческого духа к воспроизводству жизни, любовь проявляется в единении духа любящих людей во имя создания новой жизни, в родительской, материнской любви, любви к жизни, в уповании на ее бесконечность, в которой растворяется конечность индивидуальной жизни. Г. Зиммель полагал, что необходимым условием для возникновения ценностей является понимание конечности нашего существования [Йоас, 2013: 119]. Ценностная суть прокреации коренится в потребности человека связать свою собственную жизнь с жизнью рода, рассматривая себя в связи поколений, единстве прошлого и будущего. Любовь вдохновляет, ориентируя на нравственно и эстетически высокое, заставляет видеть лучшее в человеке, проектировать будущее и мечтать. Прокреативная интенция

человеческого духа имеет творческую природу, поскольку связана с направленностью деторождения в будущее. В этом процессе нужно видеть культурно- и персоногенез, поскольку прокреативная интенция основывается на темпоральном единстве родовой памяти (прошлого) и будущего как творения личности. Причем речь идет о личности не только появляющегося на свет человека, но и тех, кто участвует в его персоногенезе, становясь родителем, воспитателем и т.д. Одновременно воображаемые миры будущего творятся через одухотворение естественного процесса воспроизводства. Это ценностное содержание прокреации в историческом движении человечества находит моральное и эстетическое выражение, формируя тем самым мир культуры. Иными словами, человеческая культура прокреативна, она создается через одухотворенное воспроизводство в связи прошлого и будущего через аккумуляцию родового опыта, оформленного в нравственных и эстетических категориях и через творческое воображение, в котором проявляется устремленность в будущее. Поэтому так важны средства выражения человеческих стремлений, которые могут нести прокреативный дух или иметь противоположную модальность.

Если взглянуть на прокреацию исторически, то духовный, терминальный акцент в воспроизводстве человека должен возрастать по мере многовекторного освобождения человеческого духа от природной и материальной зависимости. В этом фундаментальную роль играют те формы культуры, в которых происходит канализация творческой энергии воображения. В современном мире такими каналами в первую очередь являются различные дискурсы. Следуя мысли Хабермаса о радикальной трансформации в самосознании человека, которая происходит «...как только вертикальная ось молитвы смещается в горизонталь межчеловеческой коммуникации...», символическим воплощением которой является феномен «Исповеди» Руссо [Хабермас, 1991: 199–200], в культуре можно видеть переход к современности. В языковых формах выражения смыслов культуры — дискурсах — средством выражения духовного отношения к миру становится слово, текст, повествование. В коммуникативной реальности, в пространстве дискурсов этическое и эстетическое нормирование обретает разноосновность. Однако и в этой онтологии прокреативная интенциональность человеческого духа никуда не исчезает, а только диверсифицируется в своих этических и эстетических манифестациях.

Заключение

Применение аксиологических и персоналистских идей к изучению прокреации позволяет рассматривать ее, во-первых, как форму духовного творчества человека, формирующего культуру и воссоздающего самого себя в этом процессе, во-вторых, как ценностную интенцию, то есть направленность сознания и эмоций человека в процессе воспроизводства на будущее. В интерпретации М. Шелера ценностная интенция имеет абсолютный характер, поскольку представляет собой источник позитивно окрашенного морального и эстетического отношения к жизни, высшей формой которого у философа является любовь. Прокреация как ценностная интенция также может быть представлена и как освоение ее абсолютного содержания через дискурсы о любви, которые по-настоящему и обладают прокреативным характером. Современному изучению прокреативных процессов свойственно вымывание ценностного измерения и человеческих смыслов деторождения, преобладание коммодифицирующей риторики и технологизирующих дискурсов. Научный анализ страдает зависимостью от позитивистских установок в оценке прокреативных процессов, редуцируя воспроизводство человека к социально-экономической или социобиологической детерминации.

На современные процессы культурогенеза сильное влияние оказывают дискурсы медиа и коммуникация в виртуальном пространстве. Важно, чтобы в дискурсах проговаривалась ценностная природа прокреации. Если дискурс становится самоцелью, то есть текст и нарратив

создаются для самопрезентации, а информация — для извлечения прибыли, то он утрачивает творческую функцию быть креативным, формировать и выражать смыслы и ценности жизне-воспроизводства. Прокреативные дискурсы нацелены на раскрытие духовного содержания в материнстве и рождении детей, родительстве, семейной и родовой связи, на прокреативные ценности, связанные с будущностью. Мир конкуренции, состязания, лидерства, в конечном итоге тяготеет к проявлению силы и противоположен позитивным ценностным значениям прокреации. Т.Б. Щепанская отмечает, что «зоны насилия часто (если не систематически) возникают в а- или антикреативных областях социума. <...> Зона насилия, куда они вступают, таким образом отделяется от сферы воспроизводства. <...> Блокирование программ воспроизводства жизни связано с разблокированием программ ее уничтожения (или телесного потребления, взимания жизни путем насилия). Провитальные (прокреативные) и антивитальные (насильственные) стратегии оказываются разделены. По-видимому, сила и любовь — два главных и, как выясняется, альтернативных медиатора межличностных связей, мотива и подкрепления человеческих взаимодействий» [Щепанская, 2001]. Российское общество нуждается в прокреативных дискурсах, посвященных прокреативным ценностям, литературе и искусстве, в которых говорят о любви и мире, родовой связи, обозначающей культурную принадлежность и соприсутствие прошлого и будущего. Это формирует продуктивный опыт воображения. Терминальные духовные ценности деторождения связаны со смыслами будущности, которая обретается в неразрывной связи индивидуального и родового бытия. Подобный смысл деторождения наделяет прокреацию совсем иными значениями, нежели опыт практического жизнеустройства индивидов, когда во главу угла ставятся необходимость рождения детей для поддержания экономической стабильности семьи, забота о старости. Если в архаических обществах воспроизводство базируется на нерелексивном, бессознательном восприятии собственной потребности в самореализации, персонализации и любви, то современный человек эту инстинктивную программу приспособления и выживания замещает знанием и информацией. Однако знание — только условие понимания, оно нуждается в эмоциональном проживании, соединении с ценностями. Иначе прокреативные установки не реализуются в личности, не приводят к проектированию собственного роста в будущность. Личность ограничивается настоящим, утрачивает способность к воображению и творчеству или имитирует их, не востребуя любовь как ценность и высший тип связи с Другими.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00609.

Литература

- Алхасов А.А. (2015). Макс Шелер об иерархии ценностей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 5(55): 13–15. https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2015_5-2_01.pdf.
- Беляева М.А. (2013). Половое воспитание и прокреационное образование: сравнительный понятийный анализ // Педагогическое образование в России. 3: 197–201.
- Борзенков В.Г. (2009). Развитие понятия «жизнь» в философии науки в XX веке. В сб.: Человек – наука – гуманизм: к 80-летию академика И.Т. Фролова. М.: Наука. С. 22–30.
- Варава В.В. (2009). Формирование семейных ценностей современной молодежи в свете философского наследия В.В. Розанова // Вестник Воронежского государственного университета. 2: 68–74.
- Вишневский А.Г. (2011а). Демография и традиция // Демоскоп. 473–474: 1–26 <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0473/demoscope0473.pdf>.

- Вишневский А.Г. (2011б). Цивилизация, культура и демография // *Общественные науки и современность*. 2: 57–76. <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/01/1251414478/Vishnevskii.pdf>.
- Вишневский А.Г. (2019). Демографическая история и демографическая теория. Курс лекций. М.: Изд. дом ВШЭ. 190 с.
- Демографический энциклопедический словарь (1985). Валентей Д.И. (ред.). М.: Сов. Энциклопедия. 608 с. <http://geography.su/demogr/>.
- Демографический понятийный словарь (2003). Рыбаковский Л.Л. (ред.). М.: Центр социального прогнозирования. 352 с.
- Дрепа Е.Н. (2012). Теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы демографических процессов // *Современные исследования социальных проблем. Электронный журнал*. 9 (17). <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-demograficheskikh-protsessov>.
- Зиммель Г. (2017). Избранное. Созерцание жизни. М.: Центр гуманитарных инициатив. 392 с.
- Йоас Х. (2013). Идентичность и благо (Чарльз Тейлор). В кн.: *Возникновение ценностей*. СПб.: Алетей. С. 183–212.
- Кожурин А.Я. (2017). Розанов. Б. м.: Издательские решения. 410 с.
- Левинас Э. (2006). Путь к Другому. Сб. ст. и пер., посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб.: Изд-во СПбГУ. 239 с.
- Литовка В. А. (2012). Теоретические основы анализа репродуктивного поведения // *Вопросы социологии*. 5(42): 286–290. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-analiza-reproduktivnogo-povedeniya>.
- Малинкин А.Н. (2016). Любовь и радость в философии Макса Шелера // *Человек*. 4: 103–118. <https://chelovek.iph.ras.ru/article/view/2800/2091>.
- Мечников И.И. (2107). Этюды оптимизма. М.: Юрайт. С. 199.
- Розанов В.В. (1990а). Новые эмбрионы. В: *Религия и культура*. Т. 1. М. С. 296–306.
- Розанов В.В. (1990б). Семья и жизнь. В: *Религия и культура*. Т. 1. М. С. 207–215.
- Федотов Г.П. (1995). В.В. Розанов. «Опавшие листья» // В: В.В. Розанов: pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГА. С. 393–396.
- Хабермас Ю. (1991). Понятие индивидуальности. В: *О человеческом в человеке / Под ред. И.Т. Фролова*. М. С. 195–207.
- Шелер М. (1994). Формализм в этике и материальная этика ценностей. В: *Избр. произведения / Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина*. М.: Гнозис. С. 259–339.
- Шестаков К.А. (2008). Аксиологический фактор в теории демографического перехода // *Вестник СамГУ*. 4(63): 235–243. <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskij-faktor-v-teorii-demograficheskogo-perehoda>
- Щепанская Т.Б. (2001). Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций). В: *Антропология насилия*. В.В. Бочаров и В.А. Тишков (отв. ред). СПб. С. 115–177.
- Юдин Б.Г. (2005). Природа человека и его будущее. В: *Философская антропология / Под ред. Лебедева С.А. М.: Академкнига*. С. 210–223.
- Cambridge Dictionary (2020). Procreate. Cambridge University Press. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/procreation>.
- Rokeach M. (1973). The Nature of Human Values // *Political Science Quarterly*, NY., The Academy of Political Science. 89(2): 399–401.

Информация об авторе

- Сидорова Татьяна Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета. E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru